

Анастасия Ивановна ЦВЕТАЕВА

— Анастасия Ивановна, что чувствуете вы в год мирового признания Марины Цветаевой!

— Ничего особенного не чувствую. Хотя считаю, что сравнить ее не с кем по разлыву тем, по размеру стиха. И внутренне, и внешне сравнить ее не с кем. Ничто не отличает для меня этот год от других. Как всегда, как все годы, Марина — мой «полублизнец». И я все, что с ней происходило и произойдет, чувствовала. Я не знаю, как это объяснить.

— Да, в своей книге «Дым, дым и дым» вы написали о ее смерти и что вам придется жить без нее. А ведь книга вышла в 1916 году, и вам было только 22 года, а Марине — 24.

— Мне самой непонятно, как я могла так написать. Марина была гораздо крепче и здоровее меня. И я написала не предположительно, а утвердительно: «Маринина смерть будет самым глубоким, жгучим горем моей жизни. Больше смерти всех, всех, кого я люблю...». Это совершенно бессознательно. Я еще и в романе писала об этом. Он пропал при аресте, а меня арестовывали три раза — и пропали два моих романа. Один был об астрономии — «Созвездие Скорпиона», я его вывезла в обсерватории с другом астрономом. А второй — «Нюрнбергская хроника», действие происходило в Гейдельберге, я перенесла туда всю нашу семью. Мама была фрау Мария. Папа был профессор-палеонтолог. Марина

была Беата, а я была Эрика. И в этом романе описана встреча Беаты с англичанином (Сергея Эфрон). Наступает война 1914 года, и они расстаются. Беата идет на курсы сестер милосердия в безумной надежде встретиться с ним на войне, но война не соединяет их, а различает навсегда. Беата погибает, так и не увидевшись с ним. Эрика переживает Беату. Я это написала, наверное, потому, что боялась ее потерять. То, что очень любишь, боишься потерять.

— Может быть, человек, так отмеченный, внушает тревогу! Недаром Некрасов написал:

Русский гений издавна венчает
Тех, которые мало живут...

— Этих стихов я не знала. Да, наверное, Пушкин, Лермонтов, Маяковский, Есенин. Исключения бывают редко. Но я всегда понимала, с детства, что Марина отмечена каким-то высоким даром. И наш отец это понимал. Незадолго до смерти мамы он писал историку Иловайскому, своему первому тестю: «Какие дарования дала природа этой 13-летней девочке, что она будет делать в жизни» (смысл тот, что они несоизмеримы с возможностями реального их применения) — и неожиданный вывод: «Ей будет очень трудно жить». Он тревожился, боялся за нее.

Ее дарования проявились так рано. Когда нас во Фрейбурге отдали в немецкий пансион, то по знанию литературы, истории, географии ее определили в класс к 17—18-летним, а ей было 12 лет.

Год Марины Цветаевой

«День был субботний: Иоанн Богослов...»

С Анастасией ЦВЕТАЕВОЙ беседует Маэль ФЕЙНБЕРГ

Красною кистью
Рябина зажглась.
Падали листья.
Я родилась.

Спорили сотни
Колоколов.
День был субботний:
Иоанн Богослов.

Мне и доныне
Хочется грызть
Жаркую рябину
Горькую кисть.

— Когда вы оставались в 1920 году в Крыму, Марина Ивановна (просто не знаю, как ее называть в разговоре с вами: нельзя говорить Цветаева, Марина, а Марина Ивановна — уместнее было бы в разговоре с ней, а не о ней) писала вам, ничего не зная тогда об Эфроне, который был в Белой армии: «Кроме него и тебя — мне ничего не надо».

— Да, она очень любила Сережу. Так, как он ее понимал, ее не понимал никто. Еще в 12-м году он издал книгу «Детство». Восхитительная книга. Точная память о детских годах, о старой Москве, о брате, в 14 лет трагически погибшем. Как он там написал о Марине (он называет ее Мара). Тонкий юмор, зоркое воссоздание детских чувств, эта книга — чудо понимания и преданности, она была издана, когда ему было 18 лет, и я очень рада, что вы ее сейчас включили в книгу об Эфроне.

Марина любила его всегда. Такой красивой, как в тот год, когда она его встретила, даже волосы, до этого прямые, завились, она не была никогда. Вот вы мне прочитали, я сама уже не читаю, почти не вижу, ее письма Берии, где она старается защитить Сережу и Алю, когда они были в тюрьме. С каким достоинством она написала — и кому (!) — и с какой любовью к мужу: «Я прожила с ним 30 лет жизни и лучшего человека не встретила». А многое знала уже о его тайной работе.

И я его любила и люблю. Хотя его судьба мне непонятна. Запутался он. Это какое-то безумие. Политиком он не был. Очень хотел на родину. Это удивительное свойство у русских. Я ни у кого не видела такой силы тоски по родине, как у русских. Другие могут, если они устроены, жить где угодно. А русские — нет. Для себя ему ничего не надо было.

Только не понимаю почему он и Аля, когда уже были здесь, скрыли, оба скрыли от Марины, оставшейся в Париже, что я уже два года в лагере. Может, потому скрыли, что иначе она побоялась бы приехать. Она знала, что я не политический человек, а человек веры — и вдруг меня арестовывают.

— Они не могли вам об этом напи-

сать. Они не были свободны в своих письмах.

— Марина писала Тесковой перед самым отъездом в СССР, что я ее жду и люблю.

Приехала а меня нет. Меня арестовали в сентябре 1937 года в Тарусе и отправили в лагерь на 10 лет. Так я ее больше никогда и не видела.

— Грустный у нас разговор.

— Зная мое отношение к Марине, от меня два года скрывали ее смерть. И я не хотела верить моему сну. Около 1 сентября 1941 года я увидела, что ее нет на свете, и рука отаратилась записать это. Я тогда написала, что видела сон о близкой мне женщине (ее не назвала). Ужасно, но, значит, такая судьба. Я и теперь часто вижу ее во сне.

— Анастасия Ивановна, некоторые считают, что вы в своей прозе подражаете Марине Цветаевой.

— Нет, то, что мы пишем, вообще не похоже. Это просто, как у близких людей бывает, «родственное сходство черт». Как на нашей детской фотографии, где Марине 4 года, а мне 2.

Я начала писать прозу раньше Марины, мои книги «Королевские размышления» и «Дым, дым и дым» вышли в 1915-м и 1916 годах, когда Марина писала и печатала только стихи. Помните, когда мы с вами готовили 3-е издание моих «Воспоминаний» и включили в эту книгу страницу из «Дым, дым и дым», то оказалось, что она не отличается от воспоминаний. Я пишу так же, как писала, только, конечно, возраст другой. Я скромный летописец. Описываю, что вижу. Я уже говорила, что Маринина проза — это горный водопад, не считающийся с окрестностями, а моя — долинная речка, которая описывает берега: не упустит бы памятью, что было. А Марине было бы скучно писать то, что было. Даже девочкой в Тарусе у костра начнет рассказывать сказку: начало Андерсена, а конец всегда ее. Я ценю ее прозу. Люблю? Нет. Она какая-то слишком резкая, а главное, она никогда не считалась с бытием. Ну, разве у человека бывают две разные материи? Романтичная в стихах, а в прозе — тиран. Но ей так надо было описать с одной стороны.

Держала мама наши руки,
К нам заглянув в дно души.
О, этот час, в канун разлуки,
О предзакатный час в Уши.

А с другой: «Ты угрюма как десять козлов» — и это говорит наша мать. Она была из того общества, где так не говорят. Но Марина иначе не могла. Начало Андерсена и, конечно, свой конец.

И не надо описывать тех, кого не любишь. Как Брюсова, например. Надо писать только о тех, кого любишь. Любовь открывает сущность. Ведь

Марина сама так думала. Любовь открывает человека. А вот критику ее я перечитывала бы и перечитывала. В статье «Искусство при свете совести» и других есть смирение и понимание, что дар, которым ты владеешь, не твоя заслуга. Удивительные статьи, самые любимые мои.

— Несколько лет назад вы даже написали предисловие к этим статьям. Готовился такой сборник — в издательстве «Книга», составленный Юрием Павловичем Клюкиным. В нем было собрано все, что написала Цветаева об искусстве. Книга была снабжена и подробнейшим комментарием.

— Да. Но книга не вышла, все куда-то кануло. Я жалею об этом.

— А как вы относитесь к пушкинским работам Марины Цветаевой?

— Я, к сожалению, узнала их поздно, только в 1947 году, когда освободилась из лагеря. Мне их привезла дочь Марины, Аля Эфрон, моя племянница.

«Пушкин и Пугачев». Меня поразила власть этого ее отношения Пушкина к Пугачеву. Как будто она сама утверждала это и была как бы третьей при их любовном свидании. И это перedalось мне и отталось жить во мне. А «Мой Пушкин» — это как бы воспоминания о нашем детстве, но, как всегда у Марины, это все-таки художественная проза, а не быль.

— Пушкинistas по-разному относятся

к «Пушкину и Пугачеву». Сергей Михайлович Бонди говорил мне о своем резко отрицательном отношении к этой работе. Не нравились цветаевские статьи о Пушкине и Ахматовой, а Илья Львович Фейнберг считал, что «Пушкин и Пугачев» — одна из самых значительных работ о Пушкине в XX веке.

— Я очень этому рада, мы как-то об этом с ним не говорили. Но как можно было не понимать Пушкина и так его перевести на другой язык! Маринины переводы на французский — удивительны. Как она перевела «Бесов», сохранив музыку Пушкина, музыку русской речи!

— Вы недавно были в Голландии...

— Я выступала на книжной ярмарке женщин-писательниц. Читала стихи Марины «в огромном городе моем ночь...», «После бессонной ночи...», «Если душа родилась крылатой...» и еще «Настанет день — печальный говорят!...» — единственное стихотворение, которое я знала наизусть из сборника Марининых стихов в переводе на голландский. Прочла его с вариантом предпоследней строки:

Прости Господь погибшую в гордыне...

У Марины замечательно все в стихах — даже варианты. Пора же наконец издать полное собрание ее сочинений.

На ярмарке я отвечала на вопросы по-русски и по-английски. В конце прочла свою английскую поэму о Джозефе Конраде, написанную в 30-х годах.

— Последнее издание вашей книги «Воспоминания» десять лет назад кончалось словами: «Мне 88 лет, а Марине исполнилось бы осенью этого года 90».

— Да мне теперь 98, а Марине исполнилось бы 100 лет. Но я не понимаю, каким образом могли назначить днем ее рождения 8 октября. ОНА РОДИЛАСЬ В ДЕНЬ ИОАННА БОГОСЛОВА — 26 СЕНТЯБРЯ ПО СТАРОМУ СТИЛЮ, 9 ОКТЯБРЯ ПО НОВОМУ. Так записано и в церковном православном календаре, который печатает две даты: 26 сентября (9 октября) — день Иоанна Богослова. И Марина всегда в этот день отмечала свое рождение. Она и в письмах много раз писала об этом. Мне, как ее ближайшему человеку, сестре, непонятно это самоуправство. Оно должно быть немедленно исправлено. И прошу исправить эту дату и в тех странах, где отмечают столетие Марины Цветаевой.

Марина и Анастасия ЦВЕТАЕВЫ. 1913 год